

Л. Фигье

**Светила науки от древности
до наших дней. Великие
ученые древности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Фигье**
Светила науки от древности до наших дней. Великие ученые древности / Л. Фигье – М.: Книга по Требованию, 2016. – 511 с.

ISBN 978-5-458-69530-5

Жизнеописание знаменитых ученых и краткая оценка их трудов. Фалес. - Пифагор. - Платон. - Аристотель. - Гиппократ. - Феофраст. - Архимед. - Эвклид. - Аполлоний Пергейский. - Иппарх. - Плиний. - Диоскрид. - Гален. - Клавдий Птолемей и Александрийская школа. Большинство этих имён хорошо известно любому образованному человеку. Тем более интересно узнать что-то новое о гениях науки древнего мира. Этой цели служит представленная книга французского писателя и естествоиспытателя Луи Фигье (Louis Figuier) (1819-1894), которая является одним из первых опытов обобщающего сборника, рассказывающих о жизни и творчестве великих представителей науки. Как справедливо замечает автор: «Жизнеописание светил науки... занимательно для всякой публики». К том уже «светские люди будут довольны возможностью прочесть, и в случае нужды справиться, с биографиями всех этих славных мужей, биографиями, написанными добросовестно и с некоторой заботой о литературной форме». «Сочинение, предлагаемое нами публике, в сущности есть история наук...»

ISBN 978-5-458-69530-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

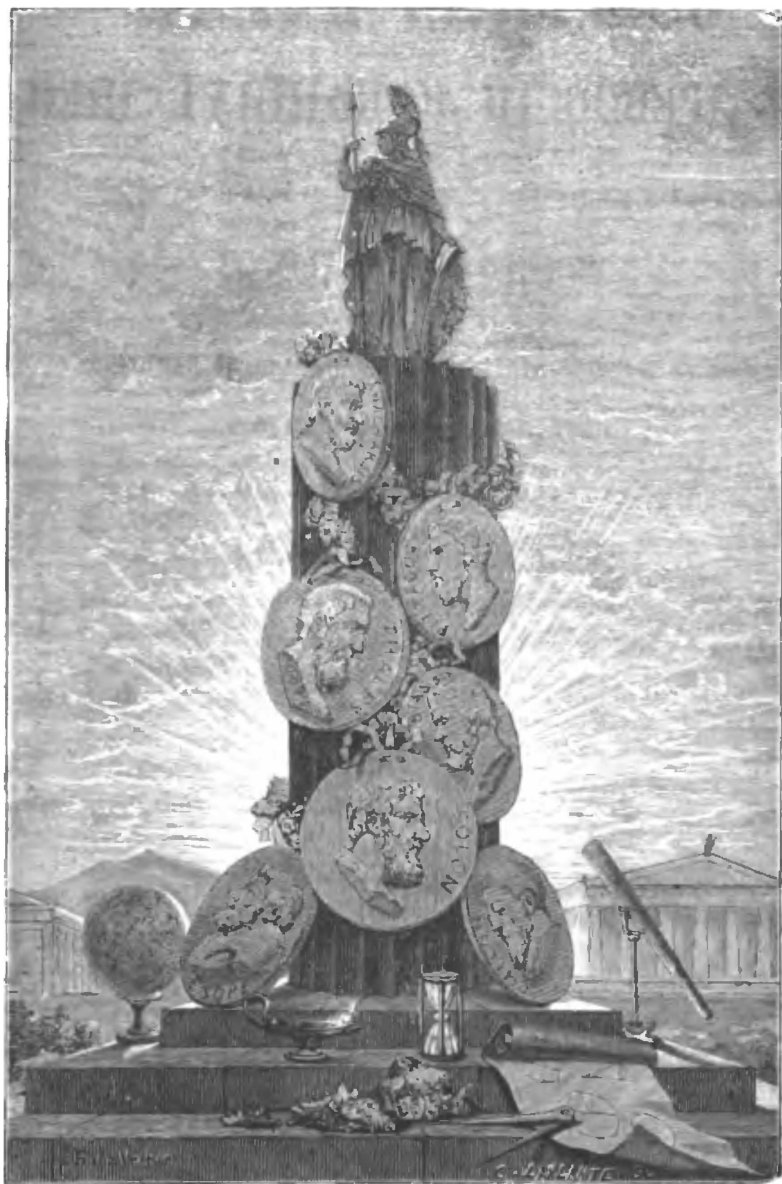
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЕМЬ ГРЕЧЕСКИХ МУДРЕЦОВЪ ИЛИ ЗАРЯ НАУКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Странно, что въ новѣйшей литературѣ никто не подумалъ соединить въ одномъ сочиненіи біографіи ученыхъ. Были обнаружены сборники, содержавшіе *жизнеописанія святыхъ, великихъ полководцевъ, жизнеисцествъ, музыкантовъ* и т. д. Но никто еще, ни въ Россіи, ни заграницей, не вздумалъ рассказать публикѣ жизнь всѣхъ великихъ представителей науки.

Въ настоящее время, если требуется узнать обстоятельства жизни какого-нибудь естествоиспытателя, физика, астронома, инженера, то приходится разыскивать, не существуетъ ли гдѣ біографіи даннаго лица. Но эти документы рѣдки и сбивчивы относительно всѣхъ ученыхъ, жившихъ до средняхъ вѣковъ. Притомъ, не всегда легко достать ихъ, и тогда приходится довольствоваться какимъ-нибудь *біографическимъ* или *энциклопедическимъ* словаремъ. Эти сборники, безъ сомнѣнія, достойны всякаго уваженія; они полезны количествомъ собранныхъ въ нихъ именъ; но относительно біографій ученыхъ они совершенно недостаточны по краткости посвященныхъ имъ статей, по сухости изложенія, наконецъ, по отсутствію однороднаго критическаго взгляда, такъ какъ содержащіяся въ нихъ біографическія свѣдѣнія писаны различными лицами.

Принимаясь за дѣло, довольно трудное по своей обширности и необычайному разнообразію: описать жизнь и оцѣнить труды людей, знаменитѣйшихъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ, мы увѣрены, что трудъ нашъ пополнитъ значительный пробѣлъ въ ученой литературѣ.

Жизнеописаніе свѣтилъ науки, какъ намъ кажется, занимательно для всякой публики.

Физикъ, химикъ, естествоиспытатель, инженеръ, необходимо должны знать жизнь основателей науки, которою они занимаются, а также основателей наукъ вспомогательныхъ той, которая составляетъ ихъ специальность.

Свѣтскіе люди, слышащіе безпрестанно въ разговорѣ имена Пивагора и Аристотеля, Иппарха и Галена, Гутенберга и Христофора Колумба, Альберта Великаго и Раймонда Люлля, Коперника и Кеплера, Галлилея и Ньютона и т. д., будутъ довольны возможностью прочесть, и въ случаѣ нужды справиться, съ біографіями всѣхъ этихъ славныхъ мужей, біографіями, написанными добросовѣстно и съ нѣкоторою заботою о литературной формѣ.

Съ другой стороны, какой лучшей предметъ для чтенія и изученія предложить юношеству, какіе лучшіе примѣры представить ему, какіе болѣе краснорѣчивые уроки дать для его ума и сердца, какъ не жизнь этихъ безсмертныхъ личностей, чести человѣчества, воплощенія трудолюбія и постоянства въ добродѣтели? Въ гимназіяхъ и дома, существуетъ вѣковой обычай давать воспитанникамъ читать Плутарховы *Жизнеописанія знаменитыхъ людей*, для образованія юныхъ поколѣній возвышенными уроками нравственности, справедливости и доблести. Учащееся юношество всѣхъ возрастовъ, читая *Жизнеописаніе свѣтилъ науки*, найдетъ столь же возвышенные примѣры. Оно научится познать добродѣтель, гений и честь въ лицѣ безсмертныхъ проповѣдниковъ и творцовъ науки.

Такимъ образомъ, предпринятый нами трудъ отвѣчаетъ многимъ потребностямъ, онъ долженъ оказать услугу многимъ ученымъ и любителямъ наукъ.

Рядъ жизнеописаній ученыхъ отъ древнихъ временъ до девятнадцатаго вѣка, изложенный просто въ хронологическомъ порядкѣ, не выполнялъ бы вполнѣ предположенной нами цѣли. Этимъ отдѣльнымъ этюдамъ недоставало бы связи. Поэтому намъ казалось необходимымъ передъ каждой группою біографій помѣстить *Историческую картину состоянія наукъ* въ разсматриваемую эпоху. Благодаря этому *обзору*, или *исторической*

картинъ, читатели, такъ сказать, присутствуютъ при зарожденіи и развитіи наукъ, отъ ихъ начала до девятнадцатаго вѣка.

Если готовая, созданная наука драгоцѣнна по извлекаемымъ нами изъ нея выгодамъ, то необычайно интересно слѣдить въ исторіи за развитіемъ создающейся науки.

Данныя, на которыхъ древняя философія предприняла свои труды, и наслѣдство положительныхъ знаній, завѣщанное ею послѣдующимъ поколѣніямъ; — препятствія, которыя встрѣчалъ на своемъ пути средневѣковый ученый, драматическая борьба, которую онъ долженъ былъ выдерживать противъ нетерпимыхъ богослововъ того варварскаго времени; социальныя условія, въ которыя были поставлены ученые эпохи Возрожденія, когда они выполняли свои безсмертные труды и приготавливали драгоцѣнные матеріалы для благороднаго зданія наукъ; — окончательное созданіе нашей научной системы, основавшейся наконецъ въ семнадцатомъ столѣтіи на двойномъ базисѣ опыта и возродившейся философіи: — вотъ зрѣлища, вполне достойныя занять вниманіе и возбудить сочувствіе читателей! Не безъ интереса стануть они слѣдить за развитіемъ нараждающейся науки; слѣдить за тѣмъ, какъ она идетъ ощупью, мужаетъ и измѣняется съ каждымъ вѣкомъ; какъ порою ученики уклоняются отъ пути учителя, но въ цѣломъ все уклоненія вознаграждаются и всегда черезъ нѣкоторый промежутокъ времени получается равнодѣйствующая успѣха.

И такъ, сочиненіе, предлагаемое нами публикѣ, въ сущности есть исторія наукъ, отъ ихъ зарожденія до ихъ новѣйшихъ успѣховъ. По формѣ, это рядъ біографій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, біографій, въ которыхъ являются передъ нами великіе ученые отъ Фалеса до Лавуазье, отъ Аристотеля до Бюффона; о каждомъ читатель узнаетъ главныя обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе, воспитаніе, жизнь, и прочтетъ критическую оцѣнку различныхъ трудовъ, которыми этотъ ученый способствовалъ успѣху человѣческихъ знаній.

СОСТОЯНІЕ НАУКЪ

ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Чтобы хорошо понимать труды и жизнь древнихъ ученыхъ, величавые ряды которыхъ мы собираемся обозрѣть съ нашими читателями, нужно прежде всего отказаться отъ предубѣжденій и привычекъ современной науки. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ знаменитыхъ мужей Греціи, Египта и Рима, нужно понимать, въ чемъ состояла наука во времена ея перваго пробужденія. Древность никогда не знала того рода ученыхъ, которыхъ мы называемъ *спеціалистами*. Избрать отдѣльную вѣтвь познаній, стараться воздѣлывать ее и довести до процвѣтанія, отдѣливъ ее отъ общаго ствола, дававшего ей соки и жизнь; быть чистымъ математикомъ и оставаться совершенно чуждымъ астрономіи, физикѣ, литературѣ, искусствамъ, — вотъ чего никто бы не могъ понять въ тѣ времена. Философы того времени не старались сосредоточить свои усилія исключительно на какой-нибудь одной отрасли познаній; они старались завладѣть всѣмъ деревомъ науки.

Вотъ почему гении древности всегда такъ многосложны. Безъ сомнѣнія, большая часть наукъ была тогда въ зачаточномъ состояніи; но каковы бы онѣ ни были, древніе философы были знакомы со всѣми ими. Они пользовались одними, чтобы вносить свѣтъ въ другія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигали результатовъ, которые возбуждаютъ удивленіе, если мы примемъ во вниманіе, какъ слабы и невѣрны были доступныя имъ научныя данныя, какъ мало средствъ было въ ихъ распоряженіи.

Правда была эпоха, подготовленная громадными предшествовавшими трудами, когда въ Греціи на мгновеніе показались специальности. Но—удивительное явленіе!—всѣ они соединялись въ одномъ человѣкѣ: то былъ Аристотель. Аристотель первый перечислилъ, раздѣлилъ и классифицировалъ науки, утвердилъ каждую въ ея особой области и въ ея надлежащихъ предѣлахъ. Но нужно ли замѣчать, что въ этомъ раздѣленіи, произведенномъ усиліями одного ума, въ сущности не было полного обособленія? Устанавливая каждую науку отдѣльно, Аристотель не могъ не сообщить ей жизни и свѣта, которыя она должна получать отъ другихъ наукъ, а въ его обширномъ умѣ они всѣ были сосредоточены!

Но гдѣ Аристотель заимствовалъ этотъ свѣтъ, сіяніе котораго руководило его въ созиданіи его гигантской энциклопедіи? Въ тѣхъ многочисленныхъ трудахъ, которыя уже были совершены греческимъ гениемъ, съ тѣхъ поръ какъ наука принесла свои первые цвѣты подъ небомъ Іоніи; въ той обширной, нѣсколько безпорядочной, но переполненной богатствами философской энциклопедіи, которую раскрываютъ передъ нами книги Платона. Прибавимъ, что въ силу своего генія, творческаго по самой сущности, Аристотель также много извлекъ изъ самого себя. Онъ почерпнулъ свои идеи изъ результатовъ своихъ собственныхъ изслѣдованій, простиравшихся во всѣхъ направленіяхъ и оплодотворяемыхъ его могучими размышленіями, особенно съ тѣхъ поръ, какъ разставшись съ академіей Платона и вынеся изъ его преподаванія все, что нашель нужнымъ, онъ сталъ повѣрять опытомъ, умножать наблюденіемъ и разсѣкать анализомъ всѣ разнообразныя элементы, входившіе въ философію. Ибо способность вѣрно судить у Аристотеля была равна способности вѣрно видѣть. Соединяя въ себѣ оба великіе дара, почти всегда раздѣленные, онъ обладалъ гениемъ въ одно и то же время въ высшей степени положительнымъ и въ высшей степени метафизическимъ.

Поэтому, когда явился наконецъ во всемъ величій многосложный плодъ сорокалѣтнихъ трудовъ, неуставно совершаемыхъ при помощи столь энергическихъ дарованій, то эта была минута ни съ чѣмъ не сравнимая, не только въ ученой Греціи, но можно сказать, въ научной исторіи всѣхъ народовъ. Мы не станемъ здѣсь

перечислять многочисленныя сочиненія безсмертнаго философа; но мы можемъ сказать, не предвосхищая похвалъ, которыя будутъ ему возданы въ его біографіи, что изъ всѣхъ наукъ, установленныхъ имъ, одни вышли изъ его рукъ до такой степени совершенными, что къ нимъ потомъ ничего не было прибавлено, другія же, способныя, по самой своей природѣ, и къ развитію и къ прогрессу, такъ вѣрно были имъ утверждены на истинныхъ основаніяхъ, что потомъ никто не пытался измѣнить эти основанія.

„Ничто существующее, говоритъ Цицеронъ, не происходитъ вдругъ; всякая вещь представляетъ постепенное происхожденіе и возрастаніе.“ Это замѣчаніе столь же вѣрно въ отношеніи къ созданіямъ духа, какъ и къ произведеніямъ вещества. Обширныя познанія Аристотеля доказываютъ, что познанія его предшественниковъ не были совершенно пусты и ничтожны; развитая наука предполагаетъ, что до нея была наука зачаточная.

Эти-то зачатки философіи, эти первыя понятія точныхъ наукъ — мы и постараемся отыскать и прослѣдить въ людяхъ, работавшихъ до Аристотеля и подготовившихъ его появленіе и торжество. Въ то же время мы попытаемся воскресить предъ собою самихъ этихъ философовъ, излагая то, что сохранили намъ древніе авторы и преданія относительно ихъ жизни и личности.

Жизнь этихъ великихъ людей, преданныхъ служенію наукъ, не чужда приключеній и даже драмъ, нерѣдко потрясающихъ. По этому случаю мы не повторимъ выраженія Кузена, что „философія зародилась въ крови и слезахъ.“ Мы не думаемъ, что для того, чтобы сдѣлать ее интересною, нужно преувеличивать число ея жертвъ. Одна жертва достаточна, чтобы предать поношенію потомства всякую власть, посягающую на свободу человѣческой мысли. Но нужно признаться, что, по свидѣтельству исторіи, если исключить Анаксагора, осужденнаго на смерть Ареопагомъ и спасеннаго Перикломъ отъ исполненія приговора, и Аристотеля, добровольно изгнавшаго себя изъ Аѳинъ, послѣ смерти Александра, чтобы избѣжать политическихъ враговъ, — смерть Сократа не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ греческой и римской древности. Но послѣ древнихъ временъ, Молохъ, жаждущій крови свободныхъ мыслителей, дѣйствительно пожралъ не мало жертвъ. Въ средніе вѣка и даже до семнадцатаго столѣтія, —

сколько людей погибло мечемъ или огнемъ, искупая идеи, которыми даже не ставили въ вину то, что это были философскія идеи, и которыхъ все преступленіе состояло въ несогласіи съ идеями властвовавшихъ! Сколько костровъ было сожжено, сколько мукъ вынесено изъ-за простыхъ теологическихъ споровъ, или изъ-за нелѣпныхъ подозрѣній въ волшебствѣ и магіи!

Въ древности истинными врагами ученыхъ и философовъ были—общее невѣжество народа, нѣкоторые предрасудки, — напримеръ тотъ, по которому нельзя было прикасаться къ трупамя, — наконецъ, необходимость покидать отечество, чтобы искать познаній въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ семействахъ, наследственно сохранявшихъ ихъ преданіе, какъ монополию, или въ храмахъ, гдѣ жрецы ревниво скрывали ихъ.

Эти путешествія, предпринимаемые въ чистомъ интересѣ науки, не были притомъ дозволены каждому, а чего они стоили иногда философамъ, которые могли позволить себѣ эту роскошь!

Чтобы получить нѣкоторыя свѣдѣнія отъ египетскихъ жрецовъ, Пизагоръ долженъ былъ стать самъ жрецомъ и подвергнуться сперва долготу и строгому искусу въ храмахъ. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, попавши въ руки персовъ, завоевавшихъ эту страну, онъ былъ уведенъ ими въ Вавилонъ, какъ часть добычи Камбиза!

Демокритъ, потративши большую часть своей долгой жизни въ ученыхъ путешествіяхъ по Египту, Азіи и островамъ Архипелага, воротился въ Абдеры богатый наукою и годами, но все безъ денегъ. Любовь къ наукѣ стоила ему всего его имущества. Его сограждане примѣняютъ къ нему законъ, карающій дѣтей, расточившихъ свое наследство, и долгое время онъ считается въ глазахъ абдеритянъ безумцемъ за тотъ образъ жизни, который онъ ведетъ.

Если бы нужно было присоединить другія имена, то мы указали бы на Ктезіаса изъ Книды, на Демокета изъ Кротоны, — двухъ ученыхъ и знаменитыхъ врачей, которые были призваны ко двору восточныхъ деспотовъ и удержаны въ плѣну именно по причинѣ своей учености и тѣхъ услугъ, которыя можно было изъ нея извлечь!